

КИЧ: «ВЫСОЦКИЙ»

ВЫСОЦКОМУ не удалось избежать общей участи. Участи, общей для тех, кто обречен на официальное признание посмертно, участи, общей для всех, из кого сотворяются идола и кумиры. Причем для оригинала совершенно безразлично, кто является творцом его кумирной ипостаси: власть или народ.

В случае Высоцкого в роли такого творца выступил именно народ. Высоцкий не насаждался сверху и повсеместно; изменилось время, и власть лишь сняла прежний запрет с его имени; остальное довершилось само собой — многочисленными поклонниками и недоброжелателями, любителями сенсаций и серьезными исследователями его творчества, друзьями и близкими, то есть благодаря всем нам, нашим общим усилиям.

На эту именно тему кинорежиссер — документалист П. Солдатенков сделал фильм, который назвал «Я не люблю». В картине представлен довольно обширный срез нашего общества. Здесь и московская экскурсия «по местам Высоцкого», предводительствуемая женщиной-гидом, которая усердно объясняет своим слушателям, между каким и каким окнами находится окно квартиры барда на Малой Грузинской, окно, задернутое занавесками, повешенными еще Мариной Влади.

Здесь и «урок Высоцкого» в исправительно-трудовой колонии — вдохновенный рассказ заключенного о том, какое большое влияние на него и его друзей оказали песни Высоцкого, и — по контрасту с эмоциональным этим рассказом — ничего не выражающие лица остальных заключенных.

Здесь и паломничество на могилу артиста: и цветы, и календари с его изображением, и наборы фотографий, продающиеся тут же, на кладбище. Здесь и отец поэта, с радостью вспоминающий о сыне перед друзьями и знакомыми, собравшимися через год после его смерти на Малой Грузинской; и мать, торжественно провозглашающая тост за великого русского поэта Высоцкого; и друзья покойного, и его вдова, мило общающиеся с фужерами в руках.

Здесь делаются воспоминаниями и выясняют

отношения. Но все замалывают и сосредоточиваются, когда видеоманитонфон показывает запись концерта Высоцкого; и одиноко стоит мать, оставшаяся одна в пустой востительной квартире, после того как разошлись гости, все съев, выпив и обсудив.

И отдельно от всех этих людей — живых и живущих появляется в фильме Высоцкий — живой, но уже не живущий. Он отвечает на вопросы интервьюера и поет свои песни. А кончается картина тем, что после испол-

нения песни «Я не люблю» он говорит, что вот, мол, спел человек такую песню, и все сразу про него становится ясно, и не надо больше никого слушать. Это и есть основная мысль фильма. И основной пафос его заключается в том, что все ныне происходящее и связанное с именем Высоцкого — есть суэта, а есть — в стороне от всего этого — сам поэт, сказавший:

«...Если все-таки чашу испить мне судьба,
Если музыка с песней не слишком груба,
Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, —
Я умру и скажу, что не все — суета!».

Фильм, естественно, тенденциозен. Режиссер показал то, что хотел показать, и сделал это, на мой взгляд, на высоком профессиональном уровне — впечатляюще.

Хотя в жизни на самом деле все не так однозначно. Не могут — даже самые близкие люди — постоянно рыдать об ушедшем, молчать, не улыбаться, не пить, не есть. Если появляется интерес к личности Высоцкого, то отчего бы не возникнуть экскурсии, посвященные ему, — ведь существуют же аналогичные экскурсии о Цветаевой, Булгакове и других? Иначе говоря, каждое положение, заявленное в фильме, может быть опровергнуто на каком-то уровне бытовых аргументов и фактов.

Фильм демонстрировался в этом году на ря-

де встреч Марины Влади с советской публикой. Я был на таком вечере встречи в Московском Доме актера. Вечер был задуман как диалог зала с Влади по поводу ее книги о Высоцком «Владимир, или Прерванный полет». Как выяснилось из дальнейшего, диалог такой не состоялся, да и состояться не мог, ибо вместо обещанного автору книги миллионного тиража издательство «Прогресс» выпустило лишь сто тысяч экземпляров.

Тем не менее, поскольку призыв к диалогу был брошен, выступающие в зале нашлись. И выступления их, будучи засыпаны на киноленту, вполне могли бы составить вторую серию только что продемонстрированного фильма.

Вставали люди и с патетикой в дрожащем от переполняющих душу эмоций голосе говорили: о

своем стыде за себя, который они ощутили после просмотра фильма, о выдающейся роли Высоцкого в нашей жизни и т. п. Все это произносилось искренне и от всего сердца, но экзистенциальная нота, которая истерически настойчиво звучала в речах, — она говорила о печальном, она говорила о кликушестве.

Спокойная и отстраненная Марина Влади вежливо выслушивала и отвечала, и говорила об ужасном памятнике, воздвигнутом по вкусу родителей Высоцкого, на могиле, и о том, что это ужасно, когда люди вдруг оказываются на гребне славы из-за смерти сына. И рассказала о том, как недавно к ней подошла молодая женщина, открывшая новую звезду и давшая ей название «Владвысоцкий», и как они от неожиданности этой встречи расчувствовались и расплакались.

И странное возникло у меня ощущение. Ощущение безвыходности из создавшегося положения. Мы все знаем и говорим, что интерес к личности Высоцкого закономерен, но в потоке этого интере-

са появилась, так сказать, пена, нечто наносное, не имеющее отношения непосредственно к творчеству артиста и поэта, и что пена со временем исчезнет, а правда о нем останется. Это все так.

НО МОЖЕМ ли мы сейчас отделить пену от правды? И не является ли сама пена составной частью правды? И что есть пена? Продажа календарей и фотографий у могилы? Но ведь спрос-то есть! И так ли уж принципиально отличаются от продажи календарей и фотографий появление книги самой Влади и ее теперешние встречи с публикой, о реакции которой я уже говорил выше? А сам фильм — об этой пене — разве он не является ее же частью? А вот эта статья, которая перед вами, — разве она не из того же ряда? Как и тот номер газеты, который ее публикует. Цепная реакция бесконечна.

Все, что мы говорим о нем, ушедшем, — с патетикой ли, с экзальтацией или в строго академическом тоне — все это есть наши представления о нем, наши общие, состоящие из различных единичных, сливающихся в массовые, ощущения, восприятия, понятия, умозаключения. Это есть результат массового сознания и познания, или кича сознания и познания.

Казалось бы, правильной было — молчать. Но тогда возникли бы разговоры о том, что его замалчивали при жизни, замалчивают и после смерти. А стоило объявить его лауреатом Государственной премии, как тут же возмущилась молва: мол, при жизни не баловали, а после смерти расщедрились.

Странное существо человек. Ненавидит идола и не может обойтись без них (что, впрочем, справедливо и для многого другого, без чего не может обойтись человек и чего он искренне стремится избежать).

К чему я все это говорю? Может, не будем кичиться и осуждать кич? Может, воспримем как данность? И будем продолжать говорить и обсуждать, исследовать и разбираться, восклицать и нервничать. И будем создавать кич, считая, что говорим правду. И будем говорить правду, понимая, что работаем на кич.

Ю. АПТЕР.